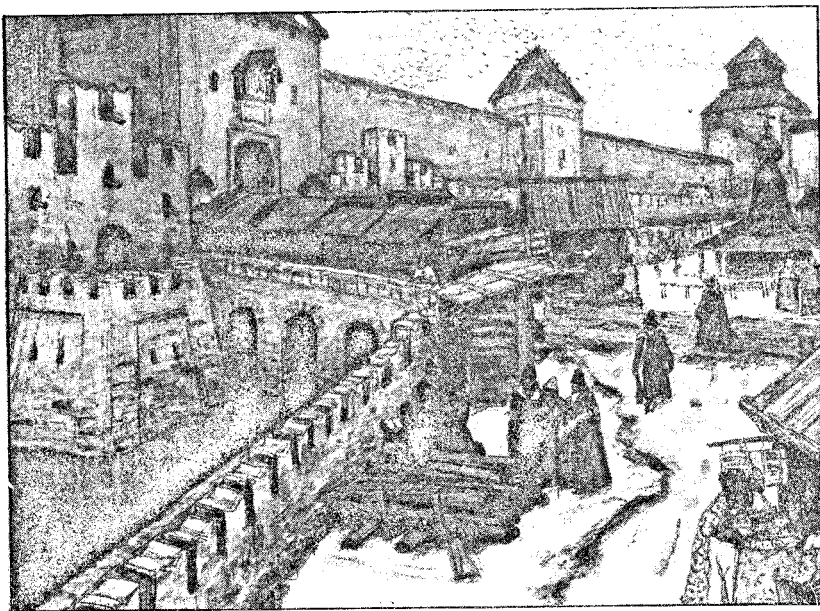

День царя. Рано тогда начиналась жизнь въ городѣ, рано начиналась она и во дворцѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ вставалъ въ 4 часа утра и начиналъ день утренней молитвой въ крестовой палатѣ. Затѣмъ царь шелъ здороваться съ царицей и вмѣстѣ съ ней отправлялся къ заутрещѣ въ одну изъ дворцовыхъ церквей. Съ ранняго утра въ передней палатѣ дворца (т.-е. въ приѣмномъ залѣ) собирались всѣ бояре, окольниковы, думные и ближніе люди и ожидали царскаго выхода. Когда, наконецъ, государь появлялся, всѣ присутствующіе, увидя «пресвѣтлыя царскія очи», дружно били челомъ государю, т.-е. кланялись ему въ землю. Поздоровавшись съ ними и поговоривъ о дѣлахъ, царь вмѣстѣ съ боярами шелъ къ поздней обѣднѣ. Въ обыкновенные дни обѣдня продолжалась часа два. Въ большіе празд-

— 281 —

ники или постомъ богомольный царь выстаивалъ за службой часовъ 5—6 сряду. Онъ любилъ церковную службу, хорошо зналъ ее, самъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ устава, иной разъ самъ зажигалъ и гасилъ свѣчи или поучалъ пѣвчихъ, какъ пѣть или читать. Ревностно исполняя всѣ церковные уставы, Алексѣй Михайловичъ клалъ по 1.000, а иногда и по 1.500 земныхъ поклоновъ въ день.

Книжныя лавки на Спасскомъ мосту.

Послѣ обѣдни всѣ возвращались въ царскія палаты. Государь садился у себя въ комнатѣ, по-нашему въ кабинетѣ, за столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. На столѣ лежатъ книги, напримѣръ, Уложеніе, чистая бумага въ тетрадяхъ и въ столбцахъ. Тутъ же стоятъ часы, клеельница съ клеемъ, чтобы подклеивать написанные листы одинъ подъ другимъ (свитокъ), серебряная чернильница съ песочницей, лебяжьи перья, свистокъ, чтобы звать слугъ, зуботычка

и ухвертка. Здѣсь государь занимался дѣлами. Бояре стояли, начальники приказовъ докладывали дѣла и челобитныя.

Въ нѣкоторые дни недѣли, особенно по пятницамъ, въ этотъ часъ дня происходило «сидѣніе съ бояры», т.-е. засѣданіе боярской думы. Тогда бояре разсаживались по лавкамъ, стоявшимъ у стѣнъ, соблюдая мѣстныя обычаи. Думные дьяки, съ чернильницами на груди и съ перомъ за ухомъ, стояли и помѣчали рѣшенія думы.

Часовъ въ 12 занятія дѣлами кончались; бояре, ударивъ челомъ, разъѣзжались, а государь шелъ къ столовому кушанью. За государевъ столъ подавалось до 70 блюдъ, но Алексѣй Михайловичъ не прикасался къ нимъ; всѣ они обыкновенно рассылались боярамъ въ знакъ царской милости. Самъ царь ѣлъ мало и любилъ только простыя блюда: ржаной хлѣбъ, овсяную брагу, легкое пиво. Большую часть года онъ постился, не уступая въ строгости поста самому ревностному монаху. Особенно сурово было его воздержаніе Великимъ и Успенскимъ постомъ, когда 4 дня въ недѣлѣ онъ ѣлъ только капусту, грибы и ягоды безъ масла, а по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ не ѣлъ и не пилъ ничего. Послѣ обѣда государь спалъ часа три. Когда наступало время вечерней службы, бояре и думные люди снова въ полномъ составѣ съѣзжались во дворецъ и вмѣстѣ съ государемъ шли къ вечернѣ. Иногда и послѣ вечерни бывали занятія дѣлами. Но чаще вечеръ посвящался семьѣ и развлеченіямъ. Богомольный и набожный царь не видѣлъ грѣха въ удовольствіяхъ, онъ любилъ охоту, въ особенности соколиную, и ранней весной и осенью нерѣдко посвящалъ ей весь день; самъ хаживалъ на медвѣдя, на лося. Обыкновенно же вечеръ проходилъ въ кругу семьи и близкихъ людей. Здѣсь слушали чтеніе духовно-назидательныхъ книгъ, лѣтописей или живые рассказы бывалыхъ людей — столѣтнихъ стариковъ, которые нарочно для этой цѣли содержались во дворцѣ и назывались верховыми (придворными) богомольцами. Иной разъ верховые богомольцы пѣвали передъ царской семьей «Лазаря», бахари рассказывали сказки, иной разъ выступали гусельники, домрачеи, органисты, цим-

бальники и другіе музыканты того времени, или появлялись екоморохи, дураки, шуты и потѣшали присутствующихъ кувырканіемъ, шутками, прибаутками и разными другими забавами. Наконецъ послѣ вечерняго кушанья или ужина царь, помолвившись въ крестовой палатѣ, ложился спать; въ сосѣдней комнатѣ ложились въ качествѣ тѣлохранителей стряпчіе и спальники, а за дверями дежурили истопники.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ хорошій и заботливый хозяинъ и всю жизнь занимался устройствомъ своихъ палатъ, ихъ наружнымъ и внутреннимъ украшеніемъ. Особенно знаменитъ былъ не сохранившійся до нашего времени деревянный коломенскій дворецъ — любимое лѣтнее мѣсто-пребыванія царя. Иностранцы и русскіе восторгались его красотой. Кремлевскія палаты при Алексѣѣ Михайловичѣ достигли въ своемъ убранствѣ замѣчательнаго великолѣпія. Внутри стѣны, полы и потолки были обыкновенно обиты сукнами, атласомъ или коврами, но въ иныхъ комнатахъ потолокъ и стѣны были украшены живописью. Большею частью изображались событія изъ священной исторіи, притчи евангельскія и апостольскія, страсти Господни, лики святыхъ, но иногда писались историческія событія, напримѣръ, хожденіе вел. кн. Ольги въ Царьградъ, царь Юлій римскій, а въ столовой палатѣ на потолокъ находилось изображение 12 мѣсяцевъ и бѣговъ небесныхъ. Если стѣны не были украшены живописью, то на нихъ висѣли картины, писанныя придворными художниками, часто иностранцами, или фряжскіе листы, привезенные съ Запада, парсуны (портреты) и, наконецъ, географическія карты или чертежи, на которыхъ были изображены какія-либо мѣстности съ ихъ зданіями, храмами, башнями, жителями, горами и лѣсами. Въ простѣнкахъ между окнами въ роскошныхъ рамахъ висѣли зеркала — большею частію подарки иноземныхъ пословъ, тщательно завѣшанные тафтою, ибо русскіе, боясь грѣха, еще подозрительно относились къ этой новинкѣ. Любимымъ украшеніемъ царскихъ палатъ были часы и большіе и малые, самой затѣливой формы: то въ видѣ башни, то колымаги, то паникадила. Вотъ, напримѣръ, «часы на поддонѣ башнею,

наверху перила и чердакъ мѣднѣй, на чердакѣ мужикъ мѣднѣй». Обыкновенная мебель того времени — лавки, тянувшіяся вдоль по стѣнамъ, покрытыя сукнами яркихъ цвѣтовъ, и дубовые столы съ суконной или парчевою скатертью. При Алексѣѣ Михайловичѣ столы иногда украшались рѣзьбою, золотомъ и раскрашивались красками, при чемъ на верхней доскѣ изображались цѣлыя сцены. При немъ же появилась и нѣмецкая новинка — кресла, которыя, однако, подавались только лицамъ царскаго семейства и патриарху. Въ большихъ пріемныхъ палатахъ, кромѣ обычныхъ лавокъ, стояли въ красныхъ углахъ царскія мѣста или троны, богато украшенныя золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями и золотыми тканями. Въ коломенскомъ дворцѣ подлѣ царскаго мѣста были поставлены львы, которые «яко живые, рыкали, двигали глазами и зіяли устами. Туловища ихъ были мѣдныя, оклеенныя бараньими кожами подъ львиную стать». Въ особомъ чуланѣ помѣщался станокъ съ мѣхами и пружинами, съ помощью которыхъ они приводились въ движеніе и издавали «львово рыканіе».

Пріемъ иноземныхъ пословъ. Сознавая свое царское величіе, Алексѣй Михайловичъ окружилъ себя необычайнымъ блескомъ и великолѣпіемъ. Пріемы иностранныхъ пословъ, богомольные царскіе выходы въ праздники, крестные ходы, торжественные трапезы, выѣзды на охоту отличались изяществомъ и блескомъ. Одинъ англичанинъ (Карлейль) писалъ: «Дворъ московскаго государя такъ красивъ и держится въ такомъ порядкѣ, что едва ли найдется хоть одинъ изъ всѣхъ христіанскихъ монарховъ, который превосходилъ бы московскаго».

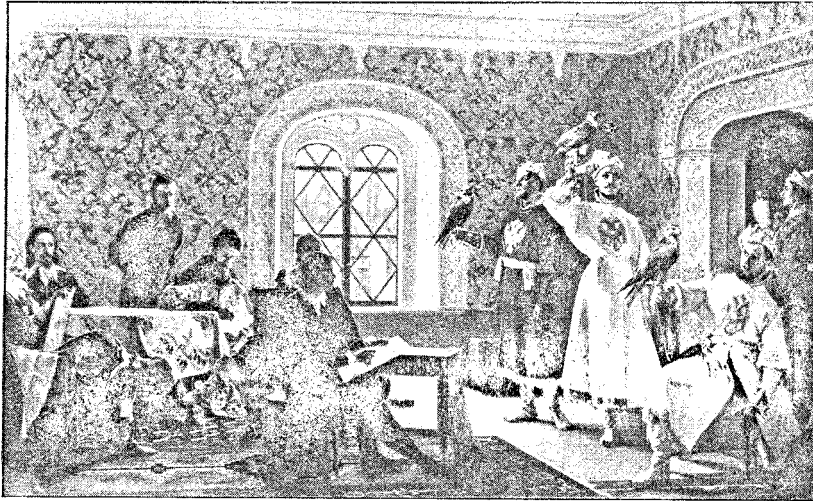
Вотъ какъ происходилъ пріемъ иностранныхъ пословъ. Въ опредѣленный день за послами пріѣзжала карета, которая везла ихъ во дворецъ. При входѣ въ палату пословъ встрѣчали два боярина, которые объявляли имъ, что его царское величество пожаловалъ ихъ, допустивъ явиться передъ нимъ. Вотъ послы входятъ въ аудіенцъ-залу, каменное сводчатое помѣщеніе, покрытое снизу и по сторонамъ красивыми коврами и сверху украшенное рисунками изъ библейской исторіи, изображенными золотомъ и разными

красками. На тронѣ, который стоялъ сзади у стѣны, возсѣдалъ царь въ кафтанѣ, осыпанномъ всевозможными драгоценными камнями и вышитомъ крупнымъ жемчугомъ. Корона, которая была на немъ поверхъ черной собольей шапки, была покрыта крупными алмазами, такъ же, какъ и золотой скипетръ, который онъ, вѣроятно, въ виду его тяжести, по временамъ перекладывалъ изъ руки въ руку. Передъ трономъ его царскаго величества стояли четыре молодыхъ и сильныхъ князя, подвое съ каждой стороны, въ бѣлыхъ дамистовыхъ кафтанахъ, въ шапкахъ изъ рысьяго мѣха и бѣлыхъ сапогахъ; на груди у нихъ крестообразно висѣли золотыя цѣпи. Каждый держалъ на плечѣ серебряный топорикъ, какъ бы приготовившись ударить имъ. У стѣны слѣва и напротивъ царя сидѣли знатнѣйшіе бояре. Рядомъ съ престоломъ великаго князя направо стояла золотая держава, величиною въ шаръ для игры въ кегли, на серебряной рѣзной пирамидѣ, которая была высотой въ два локтя. Рядомъ съ державою стояла золотая чаша для умыванія и рукомойникъ съ полотенцемъ, чтобы его царское величество, какъ послы приложатся къ его рукѣ, снова могъ умыться».

Въ этой залѣ послы привѣтствовали царя, вручали ему грамоты. Царь освѣдомлялся о здоровьѣ государя, отъ котораго прибыло посольство. Русскіе и иностранцы обмѣнивались подарками. Послѣ этого послы тѣмъ же порядкомъ оставляли залу.

Соколиная охота. Въ часы отдыха царь Алексѣй Михайловичъ любилъ тѣшиться охотою въ разныхъ видахъ. Соколиная охота была любимой охотой царя. По словамъ одного иностранца, Алексѣй Михайловичъ содержалъ болѣе 300 сокольниковъ и имѣлъ очень рѣдкихъ кречетовъ, которыхъ ему привозили изъ самыхъ отдаленныхъ частей государства. Для сокольниковъ самъ царь написалъ особый уставъ или «Урядникъ сокольниковяго пути». Здѣсь онъ называетъ охоту съ соколами «красною и славною птичьей охотой»; «ибо», говоритъ Алексѣй Михайловичъ, «красносмотрителенъ и радостенъ высокога сокола летъ». Государь, какъ истовый охотникъ, поэтически описывалъ въ письмахъ свои

охотничьи удачи. Такъ, въ одномъ письмѣ 1657 года онъ описываетъ, какъ весной 10 апрѣля поѣхалъ отвѣдывать онъ птицу на добычахъ, и между Суцковымъ и Непруднымъ наѣхалъ прыскъ (мѣсто, залитое вешней водой); тамъ были утки многія, шилихвосты и чирята; пустили одного сокола, онъ высоко взмылъ, но не спустился на дичь; пустили другого — Дикомыта; этотъ, къ радости охотниковъ, добылъ хорошую добычу и потѣшилъ всѣхъ хорошимъ летомъ.

Царскій сокольничій.

Съ карт. Литовченко.

Въ другомъ письмѣ, къ летчику Матюшкину, Алексѣй Михайловичъ выражаетъ радость, что улетѣвшаго изъ Москвы сокола поймали около Рязани, и приписываетъ: «Я теперь кладуся на васъ во всемъ, какъ лучше, такъ и дѣлайте; а будетъ вашимъ небреженіемъ Адаръ, Муратъ, Лихачъ, Стрѣляй или Салтанъ (ловчія птицы) умрутъ, и вы меня не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ велю перепоротъ; а если убережете, то всѣхъ милостиво пожалую, и сокольниковъ тоже». Сокольники одѣвались въ дорогія одежды. На правую руку надѣвали богатую рукавицу съ бахромой. Одинъ иностранецъ описалъ выдававшася изъ

всѣхъ кречета царя; кречетъ былъ бѣлаго цвѣта съ крапинками, какъ у аиста, правое бедро облегало золотое кольцо съ рубиномъ значительной величины.

Надъ великимъ прудомъ въ придворномъ селѣ царскомъ Напрудномъ, гдѣ стоитъ храмъ св. Трифона-Сокольника, онъ охотился съ соколами и кречетами за водяной и мокрой птицей, въ Сокольникахъ — за верховой (которая летала паверху), въ Лосиномъ островѣ — за лосими, въ Измайловѣ — за зайцами, а то предпринималъ и далекія охоты на волковъ и медвѣдсей, особенно въ окрестностяхъ Савина-Звенигородскаго монастыря.

